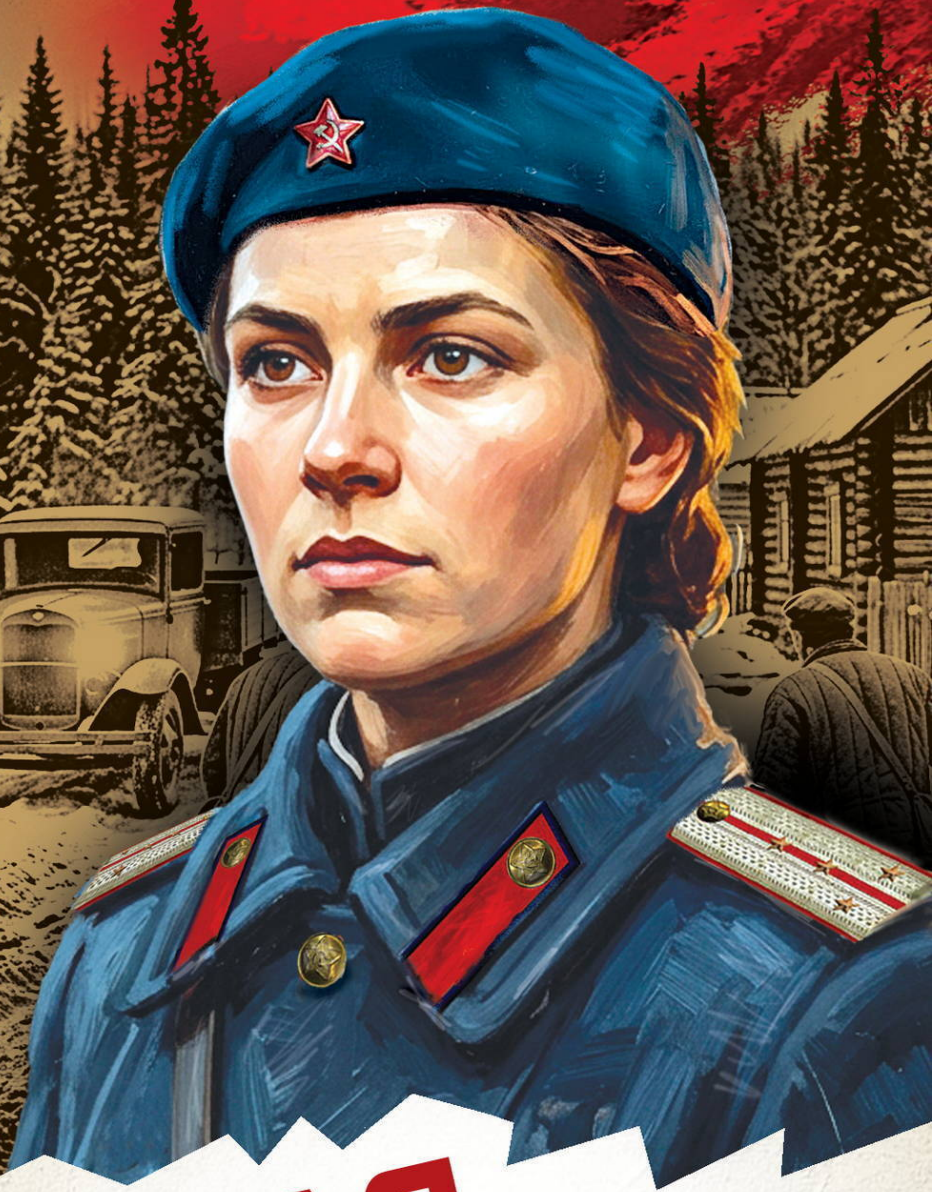

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ТАЕЖНАЯ БАНДА

ОНИ ВЫШЛИ
НА ВОЛЮ,
ЧТОБЫ УБИВАТЬ

Время острых ножей. Послевоенный детектив-амнистия

Валерий Шарапов

Таежная банда

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рос)6-44

Шарапов В. Г.

Таежная банда / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2026 — (Время острых ножей. Послевоенный детектив-амнистия)

ISBN 978-5-04-250113-5

1953 год. Из исправительно-трудового лагеря в Новосибирской области по амнистии освобождается партия заключенных. Выйдя на волю, уголовники сразу же возвращаются к прежней жизни: грабят местный магазин, нападают на женщин. Пресечь разбой приказано опергруппе капитана Геннадия Лукьянова. Среди его подчиненных старший лейтенант Алла Барышева, недавно потерявшая при невыясненных обстоятельствах мужа-милиционера. Преследуя по тайге банду, Барышева неожиданно обнаруживает важную деталь, которая наводит ее на мысль, что смерть мужа не была случайной. А значит, тот, кто это подстроил, обязательно поквитается и с ней самой... От городских улиц — к архивам, от квартир жертв — к лесным засадам. Трудовые будни советских сыщиков усложнила недавно объявленная амнистия, по которой из заключения на свободу вышли тысячи человек, умеющих только грабить и убивать... Герои книги — усталые и рассудительные профессионалы-сыщики. Фронттовики, несущие груз личной трагедии и служебного долга. Такими мы их знаем по мемуарам и фильмам, популярным среди поклонников детективного жанра.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рос)6-44

ISBN 978-5-04-250113-5

© Шарапов В. Г., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валерий Шарапов

Таёжная банда

© Шарапов В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

16 июня 1953 г.

К ночи похолодало. Перистые облака на потемневшем небе напоминали акулю пасть. Зыбко шевелились, вытягивались, пасть меняла очертания... Речка журчала на перекате, у пологого берега в лунном свете резвились окуньки. Мужчина засмотрелся, подошел ближе. Отрывисто вздохнул, окинул взглядом береговую полосу. Тальник подступал к реке, в зарослях имелись разрывы, можно было подойти к воде. На другой стороне произрастал такой же ивняк, за ним высился лес. Городская черта в этом месте обрывалась, крыши домов остались справа, в темноте уже не угадывались. Вспыхнула папироса – третья по счету. Он смотрел на ее мерцающий огонек, глубоко втянул дым. Послышался шорох – резко обернулся. Подошел еще один – повыше, в штормовке, в надвинутом на голову капюшоне, встал рядом.

– Добрый вечер, Алексей.

– Это ты... – Мужчина закашлялся от неожиданности, глухо выругался. – Хотя знаешь, приятель, не удивлен, нечто подобное и предполагалось. Ловко ты меня сюда выманил – мастерство не пропьешь. Что сказать-то хочешь?

– Ты уже понял. Зачем поперся в «Черный камень» две недели назад? Люди говорят, с каким-то эком тер. Может, и с Вараном парой слов перемолвился?

– А тебе какой интерес? – Алексей выбросил окурочек, с ожесточением затоптал его. – Имеешь навар? Следишь, что ли, за мной?

– Есть навар, – помедлив, сообщил второй, доставая папиросу, чиркнул спичкой. – Слушай, я тебя по-дружески хотел предупредить, Алексей. Держался бы ты подальше от этого дела, не твое оно. Большие люди замешаны, и с ними бодаться – себе дороже. Заранее понятно, кто проиграет. Ты, случайно, что-то зацепил, интересно стало – вот и притворись теперь, что не было этого. Померещилось, понимаешь? Не в свою ты хату зашел. Варан и все, что на нем наварчено, – не твое. Пропасть можно.

– Постой, приятель, ты мне что сейчас, угрожаешь?

– Да проснись, – фыркнул собеседник, выбрасывая в воду недокуренную папиросу. – Ты мне друг, какие угрозы? Просто ясность вношу, Алексей, не лезь ты в это дерьмо. Оно воняет знаешь как?

– Но ты залез, – хмыкнул Алексей. – Причем с обратной стороны. Самого-то не смущает эта вонь? На кого работаешь?

– На советскую власть, Леша, – процедил сквозь зубы второй. – Мы все на советскую власть работаем – я, ты. Только власть – она большая и люди в ней разные. И кое-кто просил передать: не лезь, отойди.

– Удивил же ты меня, – посетовал Алексей. – Знал, что есть в тебе гнильца, но ладно, думал, у кого ее нет? А она у тебя вон какая...

– Перестань, не преувеличивай, – отмахнулся второй.

Он ударил, когда визави не ожидал! Взвыла грудная клетка, искры брызнули из глаз. На миг парализовало. Этого хватило, чтобы получить удар пистолетом по виску. Стрелять в этот летний вечер по ряду причин не хотелось. Алексей повалился на спину, но сознания не потерял, пытался встать, цеплялся за жизнь. Субъект в штормовке ударил ногой по голове – тот снова откинулся и на этот раз лишился чувств. «Приятель» перевел дыхание, поглядел по сторонам. Сучковатая коряга, валявшаяся у переката, вполне устраивала. Поднял ее, прикинул вес. Крякнул, размахнувшись, – ударил Алексея по голове. Перевел дыхание – и снова. Безжизненное тело уже ни на что не реагировало.

– Вот скажи, какого хрена я с тобой разговаривал? – в сердцах бросил убийца. – И так все было понятно...

Он сел на корточки, окинул взглядом содеянное. Трупов на своем веку повидал много, этот от прочих ничем не отличался. Размахнувшись, он бросил в реку орудие убийства – коряга поплыла по течению. Поколебавшись, отстегнул от пояса убитого кобуру, сунул за пазуху. Оставалось избавиться от трупа. На перекате было мелко, он оттащил тело левее – там мутная вода протекала прямо под травянистым берегом. Начал сталкивать тело в воду. Руки сорвались, сам едва не отправился в плавание. Выругавшись, повторил попытку. Труп перевернулся, плюхнулся в воду. Река подхватила, понесла. Пару раз ударила о берег, затем потащила на стремнину. Тело качивалось, какое-то время сквозь него пробивалась лунная дорожка. Потом река понесла его дальше, к перекатам, начинавшимся за следующей излучиной. Там камни отобьют его так, что мама родная не узнает...

Убийца проводил глазами мертвеца, снова закурил. Пару минут он стоял неподвижно, глядя на воду, прислушивался к ощущениям в организме – что там с совестью? Да господи помилуй, какая совесть в двенадцатом часу ночи?! Ухмыльнулся и зашагал по тропинке, петлявшей по зарослям...

Глава первая

21 августа 1953 г.

Исправительно-трудовой лагерь «Черный камень», Новосибирская область.

Егор Бурлак стоял в строю в двадцати шагах от КПП и смотрел на скалу. Черный базальтовый камень возвышался над колонией, как огромный кулак, занесенный для удара. В половине восьмого утра, когда группу заключенных выводили из барака, скала еще тонула в утреннем тумане. Теперь туман редел, рассеивался, и камень проступал сквозь него – мрачный, тяжелый, придавивший эту землю на века. Четыре года он смотрел на этот камень сквозь колючку, просыпался и засыпал под его сенью. И вот теперь, когда ворота вот-вот откроются, тот словно приговаривал: «Куда ж ты денешься, родной? Все равно вернешься. Сходи, погуляй, буду ждать с нетерпением...»

Егор подтянул ляжку вещмешка – тот то и дело соскальзывал с плеча. Рядом по команде «вольно» стоял и позевывал Штопаный – мужик лет сорока, зэк как зэк, вот только рожа настойчиво просила кирпича. В годы бесшабашной молодости ее изрисовали бритвой, а потом зашили так, что лучше бы не зашивали. Шрамы налезали друг на дружку, как плохо подогнанные половицы. Штопаный ухмылялся, скалил желтые зубы, и, глядя на это чудо, в голову приходило одно: ну и куда такому на свободу? Подобные экземпляры в советских ИТЛ нужно запирать на семь запоров и ставить на них печать «Хранить вечно».

– Эй, мусорок, секи, как Ильич щерится, – едко прошептал Штопаный. – Словно мы ему последний рубль должны... Ты ничего там ему напоследок не наторчал?

Хохотнул Сизый, стоящий слева от Штопаного, – уголовник примерно тех же потерянных лет, жилистый, белесый. Егор промолчал. Жизнь научила: если есть возможность промолчать – так и делай. А на уколы – тем паче. Отвечать – значит ввязываться. А ввязываться – получить шило в бок и соответствующую прописку в лазарете. Он выжил в этом райском местечке в том числе и потому, что молчал и держал открытыми глаза. Молчал стоящий справа Варан – мужик среднего роста, скорее худой, чем толстый, с небольшой, какой-то удлиненной головой, острым носом и цепляющими неприятными глазами. Сходство с ящерицей напрашивалось очевидное.

Подобрались солдаты с автоматами, мнущиеся напротив, встали в подобие шеренги. Почудилось на миг: передернут сейчас затворы, взовьется над лагерем: «Именем Союза Советских Социалистических...» Но нет уж, кукиш. Это не расстрел, а как бы совсем наоборот... Начальник колонии Павел Ильич Максимов смотрел тяжело, из-под бровей, комкал в руке бумажку. Кряжистый, основательный, убедительный. Лицо у него было серое, с мешками под глазами (прикладывался, не без этого). Глаза по очереди сверлили выстроившихся заключенных, и только на Егора он глянул без злости, даже потеплело в глазах, жалость мелькнула – эх, лучшие уходят...

Павел Ильич молчал, ждал. Еще не все вышли из штабного барака – там получали личные вещи, ставили на вечную память подписи в ведомости. Возникла неопределенная пауза. Сизый и Штопаный ухмылялись, но пока вели себя в рамках дозволенного. Помалкивал Варан, как-то поводил плечами, и создавалось ощущение, что он куда-то торопится. За спинами военных стояли еще четверо – видимо зрители. Или не совсем. Люди с выправкой, но не военные. Чувствовалось что-то родное, забытое. Оперá из Болотнинска – местного райцентра, находящегося в пятнадцати верстах от колонии. Такова уж работа – присутствовать на подобных мероприятиях, мотать на ус, запоминать лица. Разумеется, просмотрели все дела будущих амнистированных. Больше четырех месяцев продолжается в стране амнистия – и поняли уже, что это такое и кого выпускают на волю.

Пристально смотрела женщина, одетая в мужскую одежду, – темноволосая, с миловидным, но смертельно уставшим и обострившимся лицом. Она, как и Павел Ильич, окидывала взглядом присутствующих, задержалась на Егоре, взгляд двинулся дальше. Рядом с ней стоял мужчина лет тридцати восьми – рослый, с волевым, но каким-то невыспавшимся лицом. Видимо, начальник. Личность смутно знакомая – приезжал на зону несколько раз по своим милицейским делам. Общался с офицерами из оперчасти, ходил по баракам, беседовал с заключенными. Этот парень был какой-то рассеянный, взгляд, скользивший по лицам заключенных, задержался на Варане. Последний как-то напрягся.

Обособленно мялись еще двое – рангом пониже. Невысокий крепыш лет тридцати пяти и парнишка, усиленно делающий деловое лицо, – видно, новенький в отделе.

Ну наконец-то! Заскрипела дверь штабного барака, и на крыльцо вывалились еще два упыря. Именно те, кого так не хватало строящему социализму обществу! Скалился Верблюд – в принципе молодой, едва тридцатник разменял, а уже урод. Причем во всех смыслах. Нескладный, длинноногий, на удивление проворный. Он ходил, подпрыгивая, одно плечо было ниже другого, а за спиной, словно вещмешок, торчал горб – небольшой, но досадный. Роба у парня была соответствующая. Насмехаться над его природными дефектами давно перестали – кулак у уголовника был тяжелый. Роба у парня просто цвела.

– Явились не запылились, – проворчал Сизый. – Верблюд, вы там че, автографы раздавали?

– Гы-гы! – заржал Верблюд и начал неудержимо кривляться. Праздник же великий, пацаны!

– Встать в строй! – рявкнул Максимов.

Верблюд сделал понимающее лицо: без базара, начальник, – шмыгнул в конец строя. Вальяжно подошел и пристроился с другого края последний член команды «выпускников» – с выразительной кличкой Бармалей. Не сказать, что очень рослый, но крепкий, с пудовыми кулаками, с широкой и даже добродушной рожой. Скалиться Бармалей любил, как и любой порядочный зверь, но мозгов в голове было маловато. Хоть и дурак, а соображал: сила есть, а ум все-таки нужен. Пару лет назад прибил к Варану, был его телохранителем, порученцем (принеси – подай – пошел на...) и неплохо себя чувствовал.

– А ну, замерли, мать вашу... – проворчал Максимов – и шеренга из шести человек почтительно застыла. Людей, как могли, переодели – незачем шокировать тюремными робами добропорядочных граждан. Потертые штаны, облезлые пиджаки, рубашки, драные кепки. Худые вещмешки за спинами, на ногах ботинки, откровенно просящие каши.

– Значит, так, – начал Павел Ильич, разворачивая «верительную грамоту». Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверная петля. – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии», надеюсь, все выучили. Так чего же я тут буду? К сожалению, вы под него подпадаете... Бурлак Егор Михайлович! – рявкнул он.

– Я, – проворчал Егор.

– Головка от... пистолета, – гоготнул Верблюд и осекся, перехватив уничтожающий взгляд майора.

– А кто-то может и остаться, не так ли? – процедил сквозь зубы Максимов. – Пока не научится хорошим манерам... Косых Аркадий Петрович!

Шеренга молчала.

– Косых!

– О, мать мою... – заволновался Штопаный. – Это я, что ли, в натуре? Забыл уже, как кличут... Здесь я, начальник!

– Бугров Николай Иванович!

– Присутствует, – буркнул Варан.

– Гы-гы! – заржал Верблюд.

– Демченко Игорь Павлович!

– О, а это в натуре я, – встрепенулся Верблюд. – В наличии, Павел Максимович!.. Слушай, гражданин начальник, может, нормальными именами называть будешь? Отвыкли, пойми, с трудом вспоминаем, как нас папка с мамкой нарекли...

– Заткнись, Верблюд, – устало вымолвил Максимов. – Ведь дождешься же, видит бог... Сизов Федор Гаврилович!

– Да здесь я, начальник, – отозвался Сизый, – думал, не приду?

– Вараксин Петр Кузьмич!

Бармалей какое-то время размышлял. Максимов устремил на него неприязненный взгляд, досадливо отмахнулся – ладно уж, не говори ничего. Бармалей так и остался стоять с открытым ртом.

«В отличную компанию попал, – подумал Егор. – И кого за это благодарить?»

– Ладно, поздравлений не дождетесь, – проворчал Максимов. – Валите уж, пока мы добрые. Надеюсь, все знают, как себя вести за воротами? Если что, милости просим обратно, всегда приветим и обогреем. В общем, так, сейчас все дружно выходим за ворота – не разбегаемся, не курить, не орать блатные песни, – садимся в автобус и едем на станцию. С вами будут водитель и сопровождающий. Если узнаю, что вы себя с ними вели непочтительно... в общем, вы меня знаете, из-под земли достану. На станции покупаете билеты и валите отсюда к чертовой матери – чтобы до обеда и духу вашего не осталось! Доберетесь на электричке до Новосибирска, а там дуйте кому куда. Если узнаю, что причинили кому-то из граждан беспокойство... опять же из-под земли достану!.. Ну все, левое плечо вперед – шагом марш!

Неровная колонна двинулась к неохотно разъезжающимся воротам.

– Павел Ильич, а как же слова напутствия и благословения? – изгалялся Верблюд. – А как же «на свободу с чистой совестью»?

– А ты уверен, Верблюд, что она у тебя чистая? – сверлил его глазами Максимов.

Вопрос был риторический. Зэки оживлялись, выбираясь наружу, с жадными взорами озирались. Черная скала теперь висела над самой головой, смотрела укоризненно, с недоверием. Исправительно-трудовую колонию окружали глухие леса. Заведение словно нарочно спрятали подальше от человеческих глаз. За воротами стояли автомобили, в том числе милицейский ГАЗ-67, отлично зарекомендовавший себя в годы войны. Автобус – допотопный ЗИС-8 с удлиненным моторным отсеком, выпускавшийся еще в тридцатые годы, поджидал на другой стороне дороги. Дверь была гостеприимно распахнута. Усатый водитель еще возился под капотом, что-то подкручивал, проверял. Автобус много пережил на своем веку – краска облупилась, красовались вмятины (некоторые даже от пуль), низ борта безнадежно оброс ржавчиной. Егор покидал зону последним, ловил на себе пристальный взор барышни-оперуполномоченной. Эти люди все еще присутствовали. Голова вдруг закружилась, ноги предательски подогнулись. Схватиться оказалось не за что, пришлось расставить ноги. Воздух здесь был другой. Тот же сосновый, тот же лесной, все то же самое – но другое. Пахло травой, утренней росой, дорогой, что убегала в лес, мощно – хвоей. Но к этим запахам примешивалось еще что-то – еле уловимое, неочевидное. Он начинал, кажется, догадываться, как пахнет свобода...

Зэки бойко загружались в автобус. Майор Максимов решил не провожать. Вышли опера, потянулись вдоль забора к своему боевому внедорожнику. Женщина косила через плечо, плотно сжав губы. Захлопнул капот и протер руки ветошью пожилой водитель в фуфайке. Сосредоточенно следил за погрузкой сопровождающий – старший сержант сверхсрочной службы Ковалев. Оружия при нем не было – от греха подальше. Козырные места рядом с водителем уже заняли. Егор протиснулся в глубину салона, сел у окна. Все было не по-настоящему, головокружение не проходило. Он обнял свой худой вещмешок, уставился в окно. Оперуполномоченные грузились в газик. Мужик начальственного вида сел за руль – видимо, предпочитал все делать сам. Женщина пристроилась рядом с ним, остальные расположились сзади. Тоже

на станцию поедут? – мелькнула мысль. Контролировать – так до последнего. Но нет, завелся двигатель, внедорожник задом выехал на дорогу, развернулся, покотил в сторону Болотнинска. Острая щебенка злобно выстреливала из-под колес. Дорога от колонии к райцентру проходила через леса, цепляла железнодорожную станцию на окраине Болотнинска.

Завелся автобус, салон затрясся мелкой дрожью. Как-то подозрительно всхлипнул Верблюду, сморщился, как засохший помидор. Вряд ли он собрался плакать. Старший сержант Ковалев садиться не стал – остался на ступенях в дверях. Насупленно обозревал присутствующих. Автобус тронулся, усатый шофер выворачивал на дорогу.

– Амнуха пришла, братва... – сдавленно просипел Сизый.

Засмеялись противным смехом Бармалей и Штопаный. Заклокотал Верблюду.

– Воистину пришла, пацаны... – Перехватил строгий взгляд сверхсрочника, картинно зажал себе рот костлявой ладонью. – Все, молчим, старшой, мы паиньки, в натуре...

Эки возбуждались, нетерпеливо ерзали.

– Эх, пару ампул бы сюда с беленькой... – мечтательно закатил глаза Штопаный, засмеялся мелким неприятным смехом.

Ковалев смотрел на них исподлобья, недоверчиво. Его бы воля – всех бы повез обратно. Кто придумал эту амнистию, из-за которой страну трясет уже четыре месяца? Егор украдкой посматривал на Варана. Эк вел себя обособленно, был какой-то тихий и задумчивый. Складывалось ощущение, что меньше всего он хотел бы оказаться на станции. Чего задумали... как вас там – Бугров Николай Иванович? Иногда он оборачивался, глядел на пассажиров бесцветными глазами – в такие мгновения Егор отворачивался к окну. Варан был, ей-богу, не прост. Ростом выше среднего, сухой, с длинной шеей. Маленькая голова постоянно чуть-чуть поворачивалась, будто он к чему-то прислушивался. Глаза у Варана были почти бесцветные, и когда он смотрел на кого-то, казалось, не смотрит, а записывает. Вором в законе он не был, к блатным прибил уже на зоне. Но держался так, что даже паханы из «Черного камня» с ним не связывались. Ходила о Варане недобрая молва.

В зоне в первых числах июня случилось странное событие. Прибыл мент под видом проверяющего, посидел со своими в оперчасти, затем Егору нашептали, что его хотели бы видеть. Но без демонстративного дефиле в штабной барак. Пожал плечами, аккуратно зашел с черного хода. По шее не дали, проводили в пустую комнату. Мент предложил присесть, пристально уставился. Крайнего неприятия этот мужик не вызывал – лет под сорок, видный, основательный. Нормальное лицо, нормальные глаза. Он явно чего-то опасался, заметно нервничал. Когда Егор присел на предложенный стул – поднялся, выглянул в коридор, затем вернулся. Говорил негромко, смотрел в глаза, показал удостоверение – капитан Барышев, начальник уголовного розыска города Болотнинска. Еще тогда интересно стало – чего боится начальник уголовного розыска? Говорил негромко, доходчиво. Знаю, мол, Бурлак, за что сидишь, ты правильный мент, капитан из МУРа, пострадал безвинно. Вступился за друга-врача (естественно, желающего отравить товарища Сталина и все Политбюро скопом) – и вот итог. «Помоги, Бурлак, – просил опер. – Ты поможешь мне – я помогу тебе. Дело врачей официально признано сфальсифицированным, и людей, с ним связанных, начинают отпускать. Но, сам понимаешь, это может тянуться годами. Хочешь выйти в ближайшие пару-тройку месяцев? Могу посодействовать, имею каналы и рычаги». – «Чего надо-то?» – пожал плечами Егор. Он, может быть, и мент, может даже, и неплохой (был когда-то) – но где сейчас он и где весь остальной мир?

Барышев просил информации по Варану. Просил последить за этим кадром – не лезть, но прислушиваться, присматриваться, запоминать. Чем дышит, с кем ночами трется, о чем во сне сам с собой разговаривает. Кто к нему приходит – и так далее. «Это важно, Бурлак, – настаивал Барышев. – Как хорошего товарища прошу – помоги. Нехорошая хрень затевается – уж извиняй, не могу рассказать. Так договорились, Бурлак? Ты делай дело, а я еще загляну».

Навел, короче, тень на плетень и сам себя запутал. Егор пообещал – ему, в принципе, не жалко. Варан и вправду был любопытной персоной, хотя и хотел казаться серым и невидимым. Не сказать, что собрал до хрена секретных данных, но к данной фигуре присматривался. Варану корячилась амнистия – но вот когда? Он бурно не радовался, полян не накрывал, вел себя сдержанно, хотя иногда шептался с «сильными блатного мира сего». Политических и блатных Варан почти не задевал – не любил это дело. Но однажды Егор видел своими глазами, как Бугров в сортире избивал двоих – видно, допекли хорошего человека. Лично избивал – своими тонкими руками, и это было страшно. Потом топил их поочередно в «очке» – не насмерть, но чтобы помнили. В чем провинились эти начинающие уркаганы, неизвестно, но причина, видимо, имелась. Они убегали из уборной – жалкие, измазанные дерьмом. А Варан как ни в чем не бывало мыл руки. Покосился равнодушно: «Что уставился, Бурлак? Тоже хочешь?» – «Ну это вряд ли, Варан, – усмехнулся Егор. – Мы с тобой, как параллельные прямые, – не пересекаемся». – «Но ведь пересеклись же», – хмыкнул Варан.

Больше ничего интересного не происходило. Пару раз Варана вызывали в оперчасть – уходил с достоинством, не таясь. Стукачил? А кто не без греха – нет таких. Хоть мамой божись, хоть фуфайку рви на груди – а все стучали, иначе жизни не будет... Самое странное, что капитан Барышев больше не явился. Вообще, Егору, в принципе, было плевать – только немного любопытно. Значит, так было нужно товарищу капитану. В последних числах июня в Москве был арестован товарищ Берия – верный ленинец, бессменный соратник товарища Сталина на протяжении нескольких десятилетий. Вернее, был таким – пока за ним не пришли. Оказалось – враг народа, просто ловко маскировался. Работал по заказу иностранных разведок, расшатывал экономику и политический строй. Зачем при этом способствовал созданию атомной бомбы – непонятно. Впрочем, вряд ли сам сидел и с отверткой ее создавал. Что-то менялось в стране, но куда и надолго ли? Новость довели до всего народа – все-таки официальное правительственное сообщение. И что, теперь амнистию свернут? – ужаснулись зэки. Но нет, не свернули, Лаврентий Павлович тут оказался ни при чем, мудрое решение приняли партия и Верховный Совет. Сколько граждан уже погибло от этого мудрого решения? Страну буквально захлестнула лавина преступности...

А еще через пару дней прошел слухок, что в Болотнинске грохнули главного опера – вроде бы обиженная братва постаралась. Или еще кто-то. Официально, понятно, не доводили, но лагерное «информбюро» куда достовернее официального вранья. Неприятно было, лежал, не мог уснуть ночью. Вот сидел перед ним человек – вроде бы нормальный, со своими задачами, опасениями, проблемами, семья, поди, имелась – и вот его не стало... А Варан как сидел, так и сидит. Как таранился по сторонам своими бесцветными зенками – так и продолжает...

Автобус вдруг резко остановился, водитель выругался. Зэки чуть зубы не расшибли о спинки кресел! А так непринужденно текла беседа: как доедут до станции, зарядятся водкой, жажнут наконец в электричке...

– Эй, водитель кобылы, ты че, охренел?! – заголосил Верблюд. – Дрова везешь?!

Егор успел схватиться за стальную дугу. Ныл Штопанный, подвернувший запястье. Из-под капота старенького автобуса валил густой дым. Усач, выражаясь трехэтажным слогом, вывалился из кабины, побежал к мотору, поднял капот. Дым стал гуще, чернее.

– Пожар, братва! – заверещал горбун. – Щас рванет на хрен! Спасайся кто может! – И снова залился дребезжащим смехом. Но все, похоже, было серьезно. Водитель побежал обратно, открыл дверь, выключил двигатель, снова метнулся к мотору.

– Ну что еще? – недовольно вскричал Ковалев и спрыгнул с подножки.

Водитель отмахнулся, забрался в капот, вылез оттуда с закопченной физиономией, отдышался. Дым уже не валил, а как-то затейливо струился. Зэки, выражая недовольство, бурчали – не могли нормальный транспорт к их отъезду подогнать? Водитель что-то подкручивал в

моторе, наматывал изоленту. Снова побежал в кабину, насильно стартер. Двигатель вздрогнул, выплюнул порцию дыма и заглох.

– Приехали, – резюмировал водила, бросая ключ на панель. – Карбюратор разорвало к ядрене фене. Хорошо, что сами не взорвались...

– Степанчук, ты охренел? – вскричал Ковалев.

– Я охренел?! – взвился водитель. – А я не предупреждал? Но всем ведь все равно, вы же важными делами все заняты! Мол, ты, Степанчук, Кулибин – вот и выкручивайся! А я вам что, волшебник с большой дороги?

– Ну и что теперь делать? – заскрипел зубами Ковалев.

– Ничего не делать, – проворчал Степанчук. – Можем толкнуть, только все равно не заведется. Рация есть – сообщить и сидеть, ножки свесить. Глядишь, приедут через пару часиков, репы почешут и снова уедут... Буксировать надо обратно эту колымагу. Или сразу в город – не знаю там куда – на свалку или в автохозяство...

– Эй, але, – заволновался Верблюд. – А мы че, с вами куковать здесь будем?

Пассажиры выбирались из автобуса, разминали кости. Егор вышел последним. Щебеночная дорога петляла между деревьями, убегала в неизвестные дали. Непроходимой черной стеной возвышались ели. Где тут эта чертова станция? Полпути от зоны проехали. Попискивала рация, снова в полный голос ругался Степанчук. Бригада скорой помощи, как и ожидалось, прибудет нескоро. Плюнул Ковалев, отошел в сторонку, закурил. Зэки тоже сворачивали сигарки, пока помалкивали, малость озадаченные. Бармалей вопросительно поглядывал на Варана – не будут ли распоряжения? А Варан вел себя странно. Автопроисшествие его, похоже, ничуть не расстроило, даже приободрило. Он всматривался в черную стену деревьев, скептически кривился.

– Эй, мы не поняли, – почесал шапку Штопаный. – А мы че, с вами должны эту лямку тянуть?... Эй, начальник, мы же на поезд не успеем. Он в три часа из Новосиба, а до этого славного города еще добраться надо!

– Заткнись, – огрызнулся Ковалев. – И Штопаный заткнулся. Ковалев исподлобья смотрел на свою команду. Навязали на его голову!

– Куда ехать? – спросил он.

– Дык мы это, – Сизый с блатной ухмылочкой развел руками, – отовсюду помаленьку. Мне в Пензу, Верблюду вон на Урал, Варану... Эй, Варан, тебе куда?

– В Сыктывкар, – проворчал Варан.

– В Сык... куда? – Верблюд развеселился. – Ладно, Варан, извиняй. В общем, ехать надо, старшой. Паровозный гудок зовет. Маманя дома убивается, из окна выглядывает... – Горбун театрално всхлипнул. – Отпускай, в общем, старшой, что мы, ногами до станции не дойдем?

– Хавку закрой, – проворчал старший сержант. – Не положено. Мне вас до станции проводить надо – и убедиться, что вы на поезд сядете.

– А что, не сядем, что ли? – вскричал Верблюд. – Да на хрена нам тут оставаться, в этой вашей дыре? Валить нам отсюда надо, забыть вашу кичу, как страшный сон! Старшой, в натуре, будь человеком, отпусти! Зуб даю, на поезд тихо сядем, и поминай как звали...

– Верблюд, хлебало завали, – вдруг сказал Варан. Захлопал глазами, окруженными сеткой угрей, Верблюд. – Слушай, начальник, давай рассуждать, – внятно и как-то вкрадчиво заговорил Варан. – Сам посуди, автобус починить невозможно. Мастерские не разгонятся. В колонии их нет, будут связываться с Болотнинском, а там мастера, понятно, тоже из штанов не выпрыгнут. В общем, это до вечера, а то и до ночи. Тебе охота с нами тут валандаться? Пешком обратно в колонию? Тупо же, мы уже вольные. А завтра опять на амнистию?

«Два раза не расстреливают», – подумал Егор.

– Обещаем, дойдем без приключений, – настаивал Варан. – Я прослежу за этой гвардией. Лично мне, старшой, приключений не надо. Обещаю, все будет в норме – купим билеты, свалим из вашего района.

– Честное пионерское, в натуре... – пискнул Верблюд и, получив от Варана по шапке, икнул.

Ковалев колебался, кусал губы. Куковать до ночи с этой публикой – действительно не в радость. Варан где-то прав – уже не сидельцы, публика вольная, взрослая и самостоятельная.

– Хорошо, Бугров, под твою ответственность, – процедил сквозь зубы Ковалев. – И чтобы у меня без фокусов. А то обратно все вернетесь и лично каждого на толчке сгною... Все, валите. До станции километров восемь, чтобы через час были там.

– Заметано, старшой! – возбудился Штопанный. – Братва, выходи на дорогу строиться, ать-два!

– Чао, старшой! – засмеялся Верблюд. – До новых встреч, как говорится.

– Ты что, идиот? – накинулся на него Сизый.

Глава вторая

Колонна растянулась. Зэки волоклись, посвистывая. Верблюды залихватски затаили: «Дорога дальняя, тюрьма центральная!» Поддержал Штопаный: «И смерть коварная мальчишку ждет!» Видно, ностальгия разыгралась, обратно потянуло. Но пение смолкло – ведь такие перспективы впереди! Вдоль дороги по-прежнему тянулись леса, но уже не такие густые, появлялись сосны, чаща проредилась. Топорщились кусты шиповника и боярышника, усыпанные россыпями оранжевых ягод. За все время не встретили ни одного человека, ни одной машины. Варан двигался первым – шагал размашисто, целеустремленно, вывернув, по обыкновению, голову. Бармалей семенил за ним. Смешно подпрыгивал искалеченный Верблюд – но уродство не мешало двигаться резво, да еще и балагурить. Егор отстал, шел в арьергарде. Пару раз возникла мысль: сбежать за кусты, там перекурить – и окончательно отстать. Не нравилась эта компания, подобная публика еще в лагере смертельно надоела. Не их это – воля. Сидеть им надо, пока гробовой крышкой не прихлопнет. Нормальным людям будет проще жить, и система лагерей без работы не останется.

Обернулся Сизый, приотстал, подмигнул как-то иезуитски.

– Что отстаешь, Бурлак? Опасаешься чего? Да не бойсь, мы тебя не обидим, ты нормальный мужик, не вредный, привыкли уж к тебе. Хоть ты и мент, мать твою...

– Бывший мент, Сизый, – буркнул Егор. – Забыл уж, что такое – быть ментом.

Сизый засмеялся, скривив физиономию.

– Вот и не вспоминай, Бурлак. А то ведь, ей-богу, осерчаем – намнем бока всем кагалом. Думаешь, не намнем?

Егор пожал плечами. Может, и так. Но пока мять бока будут, пару скул он точно свернет.

– Да ладно, шучу, – захохотал Сизый. – Что ты так напрягся?

Сизый засеменял за своими – с ними было интереснее. Егор облегченно выдохнул, попытался отвлечься. Лес был тих, источал запах прелой хвои. Далеко в чаще стучал дятел, и этот стук отдавался в ушах, как метроном, отмеряющий последние минуты старой жизни. Солнце поднялось, пробилось сквозь сосновые кроны, и лес перестал казаться мрачным – стал обычным. Где-то щебетала птаха, в траве стрекотали кузнечики, и пахло так, как пахнет только в августе в сибирском лесу – нагретой смолой, сухой хвоей, чуть-чуть прелым листом.

Зэки заволновались – по курсу показалась деревня. Дорога повернула, пошла вниз. За беспорядочно растущими осинами угадывались крыши. Деревушка раскинулась в долине. Единственная улица, два ряда изб. Зэки прибавили шагу. Верблюд вырвался в лидеры, смешно шагал, подпрыгивая, – и с каждым шагом казалось, что сейчас взлетит.

– Пацаны, вот и водка! – ликовал Штопаный. – Че, у них в деревне магазина нет? А нет – у бабок самогон всегда найдется!

Егор насторожился – возбуждение было явно нездоровое. Об обещании, данном Ковалеву, уже никто не помнил. А Варан эту публику не остановит, он им не начальство. Егор сбавил скорость – дистанция увеличилась. Но ноги сами несли с горки. Навстречу с натугой ползла в гору груженная какими-то мешками полуторка. Машина разваливалась буквально на глазах, болтались трухлявые борта. Водитель был из той же категории – пожилой, морщинистый. Машина пропылила мимо, оставив после себя нещадную вонь сгоревшего бензина.

– Пацаны, а бабы в деревне такие же? – вслух задумался Верблюд.

Остальные развеселились. Даже Варан ухмыльнулся и покачал головой.

В деревню входили через три минуты. «Новые Луки» – гласил старый указатель на въезде. Въезд – было понятием относительным. Дорога состояла из сплошных колдобин и разливов застывшей грязи. Проехать тут могла разве что полуторка, которую не жалко. Шли по дощатому тротуару, таранились по сторонам. Блестели на солнце подсолнухи за оградой – еще жел-

тые. Деревушка была не из тех, что показывают иностранцам. Избы просели в землю, крыши покосились. Штопанный отломал ветку малины за оградой, шел и причмокивал. Видок у компании был, конечно, живописный. Ладно не в тюремных робах. Шарахнулась женщина, идущая навстречу, – свернула в подвернувшийся переулочек. Верблюд молодецки засвистел, сунув в рот два пальца. Егор опять приотстал. Становилось ясно как дважды два: добром эта прогулка не кончится.

Избушка сельсовета выглядела опрятнее – во всяком случае, лучше, чем обнесенная забором доживающая свой век церквушка. У сельсовета не было ни души. Сравнительно людно было у магазина, возникшего за поворотом. Две женщины болтали у колодца на другой стороне дороги. Как-то приутихли, исподлобья наблюдали. Мужик ковырялся в моторе первой модели «Москвича».

– Магазин! – возликовал Штопанный. – Братва, айда за водкой!

Рванули все, кроме Варана, даже Бармалей. Зов природы, куда уж деться? Варан сделал досадливую мину, посмотрел на наручные часы с потертым ремешком, поколебался и тоже двинулся к магазину. Из сельмага уже доносились радостные крики. Дорвались! Сколько лет ждали этого момента! Егор привстал в нерешительности. Высунулся мужик из-под капота «Москвича», с опаской уставился на открытую дверь магазина, потом на Егора. Егор, не сворачивая, зашагал дальше. Все, хватит, подальше отсюда! К черту Варана, к черту эков, это не его разборки! Добраться до станции, купить билет, убраться отсюда к чертовой матери! Затихали крики за спиной, он не оглядывался. Пусть выпьют парни, быстрее попадутся и поедут обратно... Через несколько минут он вышел за пределы деревни, миновал последний плетень...

А в магазине творилось форменное безобразие. Верблюд ворвался первым, за ним Штопанный. Зрелище незабываемое – два уroda из страшной сказки. Глаза горели, слюна сочилась с губ. Украдкой перекрестилась сморщенная старуха, бочком выбралась из магазина. Ей не стали препятствовать. Обомлела продавщица – плотная, изрядно за тридцать. Съежилась, облизнула губы.

– Наше с кисточкой, – объявил Верблюд. Посмотрел по сторонам, тоже облизнулся.

Вошли Бармалей и Сизый, в маленьком помещении сразу стало тесно. Большого изобилия здесь не было, но оно им надо? Варан не заходил, стоял на крыльце, настороженно косил взглядом по сторонам.

– Здравствуйте, – промямлила торговая работница. – Что хотите?

– Она еще спрашивает! – вскричал Штопанный.

Горбун прыжком оседлал прилавок и застыл со скалящейся мордой над оробевшей женщиной.

– А ты еще не поняла, родная? – Верблюд заржал. – Мечи, что есть, да поживее! Колбаски там, хлеба, сыра, консервы... А главное... что? – Верблюд хитро сощурился – и создалось ощущение, что он собрался впиться в женщину своими перекошенными губами.

– Да я поняла, я все поняла... – Женщина бросилась к стеллажам, стала собирать продукты. Складывала в сетку, которую запасливый Штопанный бросил на прилавок. Сгребла со стеллажей три оставшиеся бутылки водки, стала их запихивать в авоську. Зэки висели над душой, скабречно шерились.

– Еще, душа моя, – вкрадчиво сказал Сизый.

– Простите, товарищи, водки больше нет, надо ждать следующего завоза...

– Сизый, да хватит, – неуверенно заметил Бармалей. – Нам еще до поезда добраться надо...

– Ладно, уговорил, – Сизый смахнул тыльной стороной ладони нависшую под носом соплю. – Пошли, пацаны.

– А как же рассчитаться? – робко пискнула продавщица.

– Ты что, дура?! – взревел Верблюд, делая совсем страшное лицо. – Мы в коммунизме живем, какие на хрен деньги? Все общее, все советское! Может, правильный вопрос задашь, родная? – Верблюд алчно потянулся к помертвевшему женскому лицу.

– Что-то еще хотите? – обреченно вымолвила продавщица.

– Хотим! – обрадовался урка. – Тебя!

Видно, имелся у этой бабенки горький опыт. Резко отшатнулась, бросилась в подсобку за прилавком, распахнула дверь и влетела внутрь. Клацнул засов, словно затвор карабина.

– Вот же сука! – ахнул Верблюд, перебросил ноги за прилавок и помчался к двери, сшибая по пути товары и коробки. Он рванул дверь. – Закрылась, тварь!

Дверь была прочная, а вот ручка – не очень. Дернул еще раз, ручка осталась в руке, а сам повалился горбом на край прилавка. Зашатались, повалились стеклянные сосуды для продажи соков – один уцелел, другой вдребезги разбился, осколки разлетелись по магазину. Товарищи ржали, Верблюд матерно выражался, кривился от боли.

– Верблюд, бросай это дело! – гоготал Штопаный. – Не последняя баба, в натуре говорю! Ты ее харю видел?

– Подумаешь, харя, – бормотал оконфузившийся Верблюд, присоединяясь к коллективу. – Баба – она и в Африке баба. Подушкой харю закрыл – и все дела...

Товарищи уже отхлебывали из горлышка, пустили бутылку по кругу. Какое бескультурье! Горбун схватил со стола стакан, вскрыл полную бутылку, налил до краев, вылакал одним махом. Шумно выдохнул – отпустило. Целую вечность ждал этого момента. Порозовела страшноватая физиономия, блаженная улыбка расплзлась до ушей. Остальные тоже не медлили, дружно вливали в себя горькую. Бармалей прихватил банку с соленьями, вскрыл консервным ножом. Хлебнули еще раз – блаженная нега поползла по членам. В деревне было как-то тихо. Продавщица, видимо, выскользнула через черный ход, где теперь ее искать?

– Балдеж, пацаны... – пролепетал Штопаный, обводя подельников мутным взором. – Слышь, братва, валить отсюда надо, пока мусора не прочухали...

– Успеем, – отмахнулся Верблюд. – Еще по одной, забираем остатки водки, хавку – и в путь...

Варан не участвовал в пиршестве, поначалу маячил на крыльце, потом зашел внутрь, обзрел разгромленный магазин. Досада отразилась на его лице, дескать, начинается. Он колебался, посмотрел на часы, потом на Бармалея – как на потерянного бойца. Бармалей сыто икал, сидя на полу, но пытался продавить в горло здоровенный огурец.

– Варан, бухни! – призвал Верблюд. – Что ты как не родной? За свободу, за новую жизнь, в натуре! Посидим еще минутку – и пойдем на станцию...

Натворили уже столько, что вопрос со станцией становился спорным. Даже если пойдут – напорются на милицейскую засаду. Вот же идиоты... Прав был Павел Ильич Максимов... Помявшись, он вошел в магазин, наполнил стакан наполовину, выпил. Хватит – поставил стакан. Зёков уже несло, алкоголь дурманил последние мозги, о будущем не думалось.

– А как же бабы? – спохватился Верблюд. – Мы чего сюда пить пришли?

В голове уже было шаром покати, работали только инстинкты. Но ноги пока держали. Верблюд выбежал на крыльцо, стал озираясь. Видно, не до всех еще дошло, что в сельмаге что-то происходит. Из-за ограды, увенчанной перевернутыми горшками, на другой стороне дороги высовывались озабоченные лица сельчан. Появилась женщина – молодая, дородная, с крепкими бедрами, с цветастым платком на плечах. Через шею было перекинута тяжелое коромысло с пустыми ведрами. Крестьянка направлялась к колодцу, расположенному напротив сельмага. Глаза Верблюда округлились – ничего себе улов! Такая шмара – и пропадает? Он кубарем скатился с крыльца, побежал наперерез крестьянке, качаясь, как маятник. Штопаный не отставал, тоже хотел любви. Сельчанка почувствовала неладное краем глаза, встала как вкопанная. Два уroda с горящими глазами неслись на нее. Те еще герои-любовники! Она

испуганно вскрикнула, резко развернулась – платок упал с плеч. Пустые ведра покатались по земле. Штопаному пришлось присесть – коромысло просвистело над головой, едва не обеспечив еще одной заплаткой на лице. Верблюд проворно отпрыгнул, и коромысло просвистело в стороне. В следующее мгновение он уже навис над барышней и алчно облизывался. Молодуха перепугалась, попятилась. Коромысло по-прежнему лежало на плечах.

– Девушка, давайте познакомимся, – гнусаво проблеял Верблюд. – Пойдем, солнышко, с нами, здесь недалеко, тебе понравится. Познакомим с интересными людьми... Или я в масштабах ваших недостаточно красив? – Певец из Верблюда был, конечно, аховый.

– Ага, Верблюд, ты малость того, – согласился Штопаный. – Страшила, в общем.

– На себя посмотри, – огрызнулся Верблюд. – Зато душа у меня знаешь какая?

– Отвяжитесь! – закричала крестьянка. – Чего пристали?! Я мужа позову!

Зэки дружно засмеялись – надо же, испугала. Тормоза отключились, они уже с трудом соображали. Жадные руки тянулись к женским прелестям.

– Прекратите, мрази, что пристали к женщине! – раздался вдруг крик. Из-за угла сельмага выскочил пожилой мужик с двустволкой. Фуфайка была расстегнута, лицо одутловатое – то ли со сна, то ли с похмелья. Он выставил свою берданку, целился, медленно подходил.

– А ну пошли отсюда на хрен, твари блатные! Убью! – Голос пожилого человека срывался от волнения. Видимо, сторож сельмага – выполнил свою ночную работу, уснул в обнимку с берданкой. Шум разбудил или сбежавшая продавщица навела.

– Мужик, ты охренел? – вскричал Верблюд. – Ты чего творишь, недоделанный? Хорошо же вы встречаете гостей вашей славной деревни!

– Дядя Ваня, покажите им! – вскричала молодуха, резко разворачиваясь. И на этот раз коромысло все же огрело Штопаного по башке! Он оступился, повалился в грязь, завыл. Внимание сторожа отвлеклось, стрельнул глазами. В этот момент Верблюд и бросился на него быстрее молнии! Вырвал с гогомом берданку, ударил старика прикладом в живот. Тот согнулся от боли, обхватил живот. Завизжала женщина, скинула с плеч коромысло, бросилась наутек. Ругнулся горбун, вскинул в сердцах двустволку. Но мишень раздваивалась, плясала перед глазами. Алкоголь – не лучший помощник при стрельбе на меткость. Еще раз выругавшись, он ударил старика кулаком в челюсть. Тот пошатнулся, но устоял, продолжал держаться за живот. Поднимался из грязи Штопаный с обиженным лицом. Верблюд переломил стволы – два патрона были на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.